

АЛИНА МИНГАЗОВА

ШТОРЫ

Алина Мингазова

Шторы

«Издательские решения»

Мингазова А.

Шторы / А. Мингазова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504212-5

Пятеро друзей — начинающий актер Бад, названный в честь другого, но уже великого актера, художник Окурок, азартный бродяга Хавьер, наш главный герой — писатель-неудачник с пылающей в душе деревней — и розоволосая девушка по имени Сакура, взявшаяся из ниоткуда, — пытаются выжить в постоянно меняющемся мире, где черно-белые люди постоянно куда-то спешат. Самое главное — выжить и не сбиться с собственного пути, погнавшись за остальными. А еще никогда не открывать желтые шторы.

ISBN 978-5-00-504212-5

© Мингазова А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	19
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шторы

Алина Мингазова

© Алина Мингазова, 2019

ISBN 978-5-0050-4212-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я проснулся от противного, режущего слух, писка мыши, который доносился из угла, где я, как мне помнится, оставил вчерашнюю недоеденную стряпню Хава. Вот уж не мог бы подумать, что она может сгодиться хотя бы для одного живого существа, обладающего хоть какими-нибудь вкусовыми рецепторами. Писк и легкий шорох усиливались по мере моего пробуждения, и моя головная боль нашла себе сторонников и последовала за ними.

Шторы из плотной ткани грязного желтого цвета с различными дополняющими их пятнами из-под вина, крови и кое-где, застывшей во времени, словно памятник былых хороших деньков, рвоты, не пропускают уличный свет, и я не могу сказать ни сколько примерно времени, ни даже какая сейчас часть дня. Они дезориентируют, и за это я терпеть их не могу. В жизни и так полно ситуаций и вещей, которые сбивают с толку, не хватало еще и доисторического куса ткани. Как-то в порыве гнева, не помню уже из-за чего, да и повод для злости не всегда нужен, я вцепился в это полотно и в истерике начал дергать его, извиваясь от злости, эта сволочь мне не поддавалась. Следующее что помню – это как я лежу на полу, предательски накрытый этой шторой, а на лбу у меня светится синяк от упавшей вслед за мной гардины. Она меня таки победила, а достойно проигрывать я научился еще в младшей школе, поэтому первым делом после того как оклемался, повесил своего победителя на законное место, где он провесит еще не один десяток лет. Да и Сакура обожает эти шторы. Не хочу коверкать её слова, но говорит она о них примерно вот так: «Я могу решать, когда их закрыть, а когда оставить открытыми. Я могу пригласить свет в эту комнату, а могу оставить его так и ожидать у оконных рам, когда наконец-то его впустят. И я хоть что-то могу контролировать в этой жизни. Ночь и день под моей властью. Пару движений и я становлюсь богиней». Хотя она говорит мало, получается у неё это чертовски красиво. Ее редкие речи я передаю потом как сказки, стараясь не упустить ни одной детали. Однако даже это выходит у меня безобразно, так, что однажды я поклялся ради блага этого мира и общества, прекратить разговаривать совсем и общаться со всеми путем вырисовывания на бумаге каракуль, которые я называю почерком. Это мое благое деяние потерпело постыдное фиаско. Истратив всю бумагу, а впоследствии все поверхности на которых только возможно писать: газеты, чеки, обертки, пачки от сигарет, туалетная бумага и даже часть обоев со стен нашей и без того голой кухни, я был вынужден заговорить. Хватило меня на каких-то девять дней. Дом всё еще помнит эту историю, пересказывая ее новым соседям словно легенду, в которую они конечно не верят и считают бредом. Зачастую новые соседи в нашем доме еще совсем зеленые мальчишки и их беременные, еще более молодые жены. Поэтому я на них зла не держу.

Розовые волосы Сакуры, словно щупальца мифического чудовища, торчат из-под одеяла и это единственное, что выдает ее присутствие в этой комнате. Если бы я не увидел их, то не стал бы даже проверять, поднимая одеяло, решил бы, что вот оно, свершилось, она наконец-то ушла. Каждое утро я просыпался, молясь, чтобы она ушла и чтобы она осталась. Но она всегда была здесь. Словно труп, лежала на кровати, и ничего не выдавало того факта, что она жива. Только если пристально взглядеться на поверхность пестрого пододеяльника, как будто 3D картинка из детства, можно было разглядеть подобие тела, но не более.

Я с детства боялся кошек. С возрастом, конечно, этот страх поутих, но когда я был маленьким, это была настоящая проблема. Мальчиком, я рос в небольшом портовом городке, названия которого сейчас даже не вспомню, хотя провел там свои лучшие годы жизни. И кошек там было слишком много. Когда страх мой достиг своего апогея, я даже пару месяцев не выходил из дома, притворяясь чуть ли не смертельно больным. Я даже подумывал о том, что выбрал для себя не то предназначение, и суждено мне было стать актером, хотя кого я обманываю, из меня получился бы такой же актер какой и писатель. Совершенно никудышный. И всему

виной рассказ бабушки, который она пересказывала, каждый раз все с новыми подробностями и дополнениями, на свой день рождения. История о том, как одна из ее ближайших подруг умерла из-за царапины собственной сиамской любимицы. С каждым годом, по рассказам бабушки, количество кошек росло, а на ее последний день рождения, оказалось, что это была целая банда кошек, которая спланировала убийство хозяйки, чтобы получить большое наследство.

И почему-то именно сейчас мне вспомнилась эта история. Наверное, потому что Сакура так похожа на кошку. Спряталась, и мне даже не нужно лезть к ней под одеяло, чтобы понять, что сейчас она лежит, свернувшись калачиком. Единственное, что меня беспокоило, так это ее дыхание. Дышит ли она там?

Я встал. Это действие далось мне не так легко, как я предполагал и в глазах, на какое-то время потемнело. Мне пришлось присесть и подождать пока черная дыра выплюнет меня обратно на Землю. Через пару минут я предпринял вторую попытку, и она оказалась удачной. Я встал и приоткрыл шторы. Совсем небольшую щелочку. Похоже, было еще совсем рано.

Наша квартира находилась на первом этаже многоквартирного старого здания. Окна выходили на небольшое неприкаянное поле с деревьями, которые мешали обзору, словно патлы на глазах старого рокера. Но просыпаясь вот так, рано, и открывая шторы, ты словно оказывался в доме посреди лесной глуши и только за это редкое ощущение телепортации я люблю этот вид.

Теперь, когда солнечный свет добился своего и пробрался в комнату, я могу дойти до двери, не сломав себе что-нибудь по дороге. Я тихонько подошел к раскладному дивану Сакуры. Слегка приподняв одеяло, я начал вслушиваться в тишину. Порой я стоял так и по десять минут, пытаюсь уловить звук, похожий на дыхание. Кажется, дышит. Нагая и умиротворенная, мне хотелось, чтобы она превратилась в статую и застыла так навечно.

Я совершенно медленно соображаю по утрам. Мне в принципе это тяжело дается, но утром, я даже могу забыть кто я, где нахожусь и что вообще здесь делаю. Поэтому я не могу обойтись без ежедневного утреннего ритуала, игру: Вспомни всех своих соседей по именам и лицам.

Когда выходишь из комнаты, похожей на удлиненную коморку с окном, попадаешь в довольно просторную гостиную, хотя слово это я считаю совершенно не подходящим. Что здесь можно увидеть? Помимо горы мусора, скомканных листов бумаги, окурков, грязной одежды, которая валяется то тут, то там и Бог знает чего еще, там стоит двуспальная кровать, детская небольшая палатка и письменный стол, такой старый, что за него лишний раз никто не садится. Стол на самом деле является нашим достоянием. Потрепанный, брошенный, грязный, исписанный неприличными словами, когда мы обнаружили его около мусорного бака на соседней от нашего дома улице, сразу поняли, это наш попутчик. Каждый из обитателей этой квартиры попал сюда таким же образом. А еще он невероятно тяжелый. Казалось бы, миниатюрный стол-книжка, но весил он порядка полцентнера. Чтобы дотащить его до нашей квартиры потребовалось несколько дней, но мы не могли бросить товарища и упорно шли к цели. Меняясь местами, мы продвигались по несколько метров, а потом когда силы совсем нас покидали, даже не попрощавшись, грубияны что уж тут, оставляли его ждать на месте и возвращались на следующий день. Так он и стоит теперь здесь и служит нам верой и правдой, и друг к другу мы обращаемся с почтением. Еще ни одна конечность не пострадала по его вине.

У моих соседей есть одна интересная особенность, они как тараканы расползаются в маленьком помещении, каким-то образом прячутся и чтобы всех найти, нужно приложить усилия.

Обычно я начинаю сортировку по уровню бедности, точнее по ее убыванию и таким образом всегда первым в моем списке идет Хавьер.

Хавьера найти всегда легко. Он никогда не накрывается одеялом и спит всегда на одном и том же месте, никогда себе не изменяя. Даже если всю ночь он пропадает у подружек или в барах, неважно в каком он состоянии, он всегда возвращается домой, ложится на свою сторону кровати и лежа на спине, в позе трупа, засыпает крепким сном. И ни разу это его непреложное правило не было нарушено. Не знаю зачем так и почему, да и Хавьер, на самом деле тоже ответить на этот вопрос не может. Вот и сейчас, он мирно лежит на своем месте, и я безумно радуюсь такой небольшой стабильности в нестабильном мире.

Впервые я познакомился с Хавьером около пяти лет назад. Он лежал на пороге моей квартиры, и я, на самом деле, тогда очень напугался и не мог зайти внутрь. Он был явно нетрезв и был похож на человека без места жительства коих в нашем районе довольно много. Я долго стоял и смотрел на него, и ничего другого мне делать не оставалось. Хава был вдвое больше меня и тогда в своих бойцовских навыках я очень сомневался, что впрочем до сих пор и не изменилось. И хотя он довольно схуднул за время нашего с ним сожительства, невероятным образом, он все еще вдвое больше меня. Спустя час я все-таки решил, что мне нужно внутрь, начав его потихоньку двигать, он проснулся. И я увидел его глаза. Таких глаз мне еще не доводилось встречать ни тогда, ни сейчас. Голубые, глубокие, они смотрели прямо внутрь, словно хотели узнать твою самую страшную тайну. И они были очень, не знаю как правильно сказать, несчастные. Он, шатаясь, встал, отряхнулся, огляделся, не понимая где находится, и извинился. Но я не замечал ничего и просто смотрел в эти глаза, которые просили меня о чем-то без ведома своего хозяина. Совершенно неожиданно для себя я услышал свой голос, который предлагал ему зайти внутрь. Мы оба удивленно смотрели друг на друга. Я даже обернулся, думая о том, что возможно это кто-то за моей спиной говорил с ним. Он сразу же принял мое предложение. А я, пока открывал дверь, все думал о том зачем я это делаю и что мною движет. Я никогда не доверял людям, даже к своим родителям я относился с недоверием, но когда мы сидели с ним в тот день на кухне, попивая чай, я понял что возможно стена, которую я так старательно, кирпичик за кирпичиком строил вокруг себя, немного пошатнулась и начала осыпаться. Я так и не понял, как в итоге он у меня остался и когда это произошло. Это просто произошло. Также как и с остальными заложниками этого бермудского треугольника, который быстро засасывает и уже не отпускает.

Следующей моей целью был Окурок. И судя по тому, какие кривые очертания имеет детская палатка, стоявшая в дальнем углу у окна, он был именно там.

Все кто приходит в наш дом всегда удивляются двум вещам: непосредственно детской палатке и тому, как Окурок в нее помещается. Если Хава в два раза больше чем я, Окурок больше Хавы в два раза. Но все равно он каким-то образом помещается в эту красную детскую палатку, и более того спит там и нигде больше. Он оставляет открытой тканевую дверь и вырезы в виде окон, а когда переворачивается, кажется, что вот-вот случайно появится еще пару отверстий.

При первой встрече с людьми, он всегда объясняет почему его зовут именно так и никак иначе, словно извиняясь и оправдываясь. И меня это конечно тоже не обошло стороной, и я внимательно выслушал его историю. Я не могу сказать, что не был удивлен, когда он мне представился. Но уже тогда я и решил, что нашел нового соседа и никого другого мне не нужно. Он пришел точно по адресу. А история была довольно простая. Он слишком рано начал баловаться отцовскими сигаретами, спрятанными в потайном ящике в столе. Уже тот факт, что эта вещь спрятана, пробудило к ней интерес в маленькой голове моего товарища. Окурок говорил, что дымил как паровоз, а принимая во внимание его привычку преуменьшать все в несколько раз, это было действительно так. Если рассказывать вкратце, он бросил непотушенную сигарету в урну, и она загорелась. Виновника поймали и раструбили на всю округу о малолетнем вандале, который поджег мусорку, сравнив его с окурком, единственным, что останется от его жизни, если он продолжит в том же духе. Это слово к нему так прицепилось, что даже уехав

из своего городка сюда, он не смог привыкнуть к тому, что люди теперь называют его по имени и добровольно вернулся к полюбившемуся прозвищу.

Осталось найти одного. Когда я огляделся и не обнаружил еще одного тела, мое сердце, как будто упало и если бы не ковер из одежды, разбросанной по всему полу, я бы услышал звук того, как оно раскалывается, достигнув деревянного паркета. Я стоял и не мог привести в порядок мысли, которые со скоростью света, одна за другой, пролетали в моей голове. Я пытался вспомнить какой сегодня день, и какой был вчера, что я делал, что делал он, что делали остальные. Может он мне говорил что-то про сегодня? Или мы с ним вчера вообще не разговаривали. В последнее время он чувствует себя хуже, чем обычно и разговаривает еще меньше чем я, а побить меня в этом деле сможет не каждый. Голова предательски не работает, засохшая каша, прилипшая к тарелке, ее переворачивают вверх дном, но все без толку. Перед глазами стоят лишь только розовые пряди волос Сакуры и ничего больше. Я даже не могу вспомнить, как выгляжу.

Я обыскал кухню, зашел в ванную, вернулся опять в гостиную. Я повторил этот марафон несколько раз. Я даже зашел обратно в свою комнату, вдруг он решил поиграть со мной в прятки с утра пораньше, и мысль эта была самой глупой за все утро.

Каждое утро мы дежуриим. Договорились, как только он появился в нашей квартире три года назад, и до сих пор без ворчания и отговорок выполняем свой долг, словно это наша работа и мы непременно должны быть хорошими сотрудниками. Я помню тот день, как будто и не прошло трех лет. Кровь по всему кафелю в ванной, она не вымывалась несколько дней, испорченные полотенца пришлось выкинуть, а его мертвецки бледное лицо до сих пор стоит у меня перед глазами. Мы несколько дней не могли отойти от произошедшего и сидели у его кровати, практически не отходя, больше недели.

Бад – безнадёжный романтик, оптимист, душа любой компании от богатых дамочек до завсегдатаев наркопритонов. Улыбка никогда не сходит с красивого лица и не мудрено, что все красавицы города от него без ума. Только вот узнав, что под маской прячется несчастный голодранец, они убегают. Спугнул он около сотни местных девчонок. Иногда, однако, не понятно то ли маска эта намертво приклеена суперклеем до окончания времен, то ли это настоящая его гримаса. Кажется, что он обманывает даже себя.

Каждое утро один из нас непреклонным сторожем стоит у ванной и ждет его. Такое ощущение, что когда он просыпается, он все еще спит и не понятно, что происходит в его голове. Как в принципе и все двадцать четыре часа в сутки. Но с утра он никто иной, как суицидальный маньяк. Ножи всегда тупые, хотя получается это и непреднамеренно, куча бинтов, а таблетками заведует у нас Хава и если у тебя болит голова, словно в детском саду мы играем в аптеку и он наш домашний фармацевт. Он и в самом деле фармацевт по образованию, но доводилось ему использовать свой диплом только в стенах этой квартиры, из-за чего на свет появилось огромное количество глупых шуток.

И вот именно сейчас, я не могу вспомнить, чья сегодня была очередь дежурить и молось, чтобы она была не моя. Я ужасный трус и ответственность за что-то пугает меня даже больше, чем портовые кошки.

Однако я не могу просто стоять здесь и думать. Первым делом нужно разбудить своих друзей. Я подошел к Хаву и начал тихонько трясти его за плечи, что не дало никакого эффекта и мне пришлось применить куда больше силы. Спустя полминуты космической тряски он все-таки приоткрыл один глаз, в котором читалось вселенское недоумение.

– Чувак, ты чего? – удалось ему выговорить хриплым непослушным голосом.

Я не знал, что ему сказать. Дать волю эмоциям и начать паниковать или все-таки объяснить ему всю ситуацию спокойно, словно колыбельную, под которую закрывается единственный глаз, вниманием которого я сейчас располагаю. Поэтому я просто стоял. А что в принципе произошло? Ничего. Тогда зачем я паникую? Потому что не могу этого не делать.

Мой взгляд невольно упал на вторую сторону кровати, которая принадлежала Бадю. Оде-
яло скомкано лежало, местами свисая с кровати, словно он пошел в туалет и вот сейчас вер-
нется, но я знал, что это было не так. Или не знал. Хава проследив за моим взглядом, уставился
вслед за мной в пустоту. Около минуты мы просто смотрели на его подушку, которая была
похожа на плоский неудавшийся блин, и только потом Хава открыл свой второй глаз и с недо-
умением посмотрел на меня.

– Где Бад?

Я лишь пожал плечами. Мне нечего было ему ответить. Я оставил висеть этот вопрос
в воздухе и просто сел рядом с ним. Даже под моим ничтожным весом, кровать начала издавать
истощные умирающие звуки.

Хава привстал и оглянулся. Я следил за каждым его движением, но не мог, хотя бы при-
мерно, понять о чем он сейчас думает. Он спрыгнул с кровати и за несколько шагов долетел
до палатки. Засунувшись туда наполовину, он начал будить Окурка. Картина, которую я видел,
меня забавляла. Казалось, что его пожирает очень странный треугольный монстр, и я бы рас-
строился, если бы меня съел именно такой монстр. Картинки того как Хава борется с ним
и глупо проигрывает все крутились в моей голове. Пленка немого кино заканчивалась, и все
начиналось сначала. И тут я вспомнил о своей книге. И тут уже я не смог вспомнить, когда
в последний раз садился за нее и вообще о чем она была.

Не знаю, сколько я придавался своим размышлениям, но когда я все-таки решил вер-
нуться на Землю, обнаружил, что Окурки и Хава о чем-то оживленно разговаривают. До меня
долетали отдельные слова, но сложить их в целый текст, да еще и найти какой-то смысл у меня
не получалось.

– Ты идешь после меня? Или после него? А я иду после кого? – нервно говорил Хава,
нарезая круги около окна.

– Чувак, я не знаю. После того как мы в последний раз махнулись очередями, я уже
не понимаю как мы дежурим. Уже довольно давно у нас нет расписания, странно, что этого
не произошло раньше.

Неожиданно они синхронно повернулись и посмотрели на меня. Я заметил нечто стран-
ное, тусклая тень страха, крадучись, передвигалась по комнате. Он витал в воздухе, тяжелой
непроницаемой пленкой оседал на поверхностях. Вдруг я почувствовал, как мне на голову
надели целлофановый пакет, а руки мои связаны и я совершенно беспомощен.

Не говоря ни слова, мы начали одеваться. Я прошел в комнату, кинул взгляд на Сакуру,
она, кажется, даже ни разу не пошевелилась. Я начал искать одежду, в которой можно выйти
на улицу, но потом понял, что это бессмысленно. Как кто-то когда-то, кто и когда я конечно же
сейчас не вспомню, сказал: В стриптиз клуб можно пойти и в пижаме.

2

– А сколько сейчас время? – этот вопрос не давал мне покоя.

Мои сожители всего лишь пожали плечами. Все-таки я был прав и еще раннее утро. Понятно было это по огромному количеству вышагивающих почти в ногу черно-белых людей. Блузки и рубашки сверкали чистотой, юбки и брюки были темнее жизни, и все выглажено так, словно сделаны эти одежды из пластика, ни единой складочки не было видно. И среди этой идеальной работающей толпы мы выглядели сумасшедшими. И именно сейчас в этой странности и неуклюжести моей жизни, ее непохожести и отличиях от этих работяг, я почувствовал силу. Силу, которая, кажется, способна меня сейчас поднять над землей. У каждого из них на руках, словно некое клеймо, сверкали дорогие часы. Вот они уж точно знают время. А нам не так уж и обязательно.

Картина была славная. Втроем мы вышагивали прямо посреди улицы, а люди опустив головы, старались на нас не смотреть. Получалось не у многих. Такой шанс посмотреть на городских клоунов и убедиться в своей нормальности, получить некое одобрение того чем они занимаются и не чувствовать себя неудачниками, его нельзя упустить.

Я гордо шагал в своей старой пижаме, местами выцветшей, местами порванной, рисунок давно уже стерся и теперь каждый считает своим долгом разгадать его загадку. Догадки были разными. И дракон, и змея, кто-то отчетливо видел там мишку, а друзья Окурка, художники-авангардисты видели шедевр, подлинное произведение искусства и часто пытались уговорить меня отдать им эту футболку. Я конечно не соглашался. Она каким-то образом появилась на мне одним утром. И эта загадочность ее появления, словно аллегория жизни, представляет для меня ценность.

Хава далеко от меня не ушел и тоже был одет в подобие пижамы, но сверху он накинул огромного размера халат, которым, казалось, можно было укрыться от всех невзгод. А его модный образ дополняли разная обувь, на одной ноге красовалась красная шлепка, которая, по моему, принадлежала Сакуре, из-за чего пальцы его выходили почти на половину, а на другой закрытый ботинок, в котором он обычно ходил в букмекерскую контору. Он считал, что именно эта пара обуви приносит ему удачу в ставках, не смотря на то, что его команда и соответственно он не выигрывала уже больше двух лет.

Среди нас, таких оборванцев, Окурочек выделялся больше всего. И не только тем, что он выше и толще практически всех кто шел впереди и сзади нас. На нем была майка с полуголой девочкой из какого-то аниме, названия, которых мой мозг просто отказывается запоминать, ссылаясь на слишком большое количество букв и не выговариваемых, но привлекающих имен героев. Я пытался. Правда. Однажды он пригласил меня в свой мир, и я был так польщен, что сидел у экрана с тетрадкой и прилежно записывал то, что мне не понятно, выписывал характеристики и имена главных героев, чтобы не запутаться, словно готовясь к дипломной работе в университете. Но потом я все-таки сдался. Окурочек меня все-таки уважал и уважает до сих пор за эти старания. Футболка эта, была его любимой и неизменно привлекала внимание публики. Она оголяла его большой живот, но ему, конечно, было плевать. Он слишком долго боролся за право любить то, что он любит и заниматься тем, чем хочет. И теперь, когда цель достигнута, он не собирается ни за что извиняться, и это словно вытатуировано на его лице характерной не сходящей гримасой.

Мы шли не быстро, но напряжение и тревога чувствовались в каждом шаге. Хава нервно выкуривал одну сигарету за другой, дым рассеивался в его смольных всклокоченных волосах и, казалось, что вот-вот он закричит, просто, потому что так хотелось кричать. На самом деле мне кажется, что сегодня была именно его очередь дежурить. Не знаю почему, но именно это я чувствовал в каждом его движении.

Стриптиз клуб, в котором работал Бад, находился не так уж и далеко от дома, но именно сейчас дорога казалась бесконечной. Люди менялись, взгляды полные отвращения оставались такими же, и мне стало ужасно одиноко, и я чувствовал, что мои друзья чувствуют то же самое. Мы все переживали, даже если пытались этого не показывать, это было очевидно. Все-таки мы были семьей. Совершенно оторванные, мы дрейфовали в этом море, а потом один за другим нашли друг друга, скрепили жалкие плоты и вместе доплыли до острова. И сейчас один островитянин потерялся где-то в джунглях и несмотря ни на что мы должны отыскать хотя бы тело.

У входа нас встретила каменная физиономия Дейва. Из двух охранников, которые здесь работали, Дейв был самым приятным, более того я считал его своим другом, и Бад тоже. Хаву было на него просто все равно, но он не отказывался перекурить с ним, а Окурочек его просто-напросто боялся. Он напоминал ему одного клоуна из детства, хотя ничего хотя бы отдаленно напоминающего клоуна я в нем не видел, наоборот он пугал всех кто его встречал. Хотя, наверное, в этом и было дело. А парень он был хороший. Писал стихи, и даже имя его было известно в определенных кругах. Дейв этого жутко стеснялся, и знали о его увлечении только завсегдатаи этого заведения. Иногда, когда они уже собирались закрываться, все костюмы аккуратно разложены по полкам, полы вымыты, деньги посчитаны, а пьяные люди разошлись по домам, он вставал на сцену рядом с пилоном и читал свои стихи, да так, что все собирались вокруг него и слушали, восторженно аплодируя. Вот что происходило за закрытыми дверями с неоновой вывеской, которая гласит «Маска».

Мне всегда казалось это название очень подходящим. И не только этому заведению, но и как описанию жизни и людей в общем. Это универсальное слово, а таких, наверное, очень мало. Здесь все носят маски и приходящие и уходящие и работающие. Довольно поношенные маски всех мастей украшают уставшие недовольные лица.

Дейв вопросительно смотрел на нас, в то время как мы вопросительно смотрели на него. Кажется, никто не собирался прерывать немую сцену, нарушая планы второсортного режиссера. Однако время текло, и нервы утекали вместе с ним, скатываясь по нашим лицам струйками пота.

– Как жизнь? – начал я издалека. Он явно был удивлен внезапному визиту целой делегации.

– Как видишь, – сухо ответил он, бросив на меня быстрый взгляд, который кажется, адресовался даже не мне.

– Ну то, что я вижу, выглядит не очень, – серьезно ответил Хава.

– Твоя правда, – сказал Дейв и замолчал. Молчание затянулось и, кажется, никто не собирался продолжать этот содержательный разговор.

Мы выкурили по сигарете, усевшись на маленьких ступеньках, которые казались совершенно неполноценными. Время словно остановилось, но мир продолжал вертеться, отчего казалось, что мы попали в мелодраму как раз в момент драматического слоумоушена. Не хватало закадрового голоса, который рассуждал бы о скоротечности времени и жизни, о провалах и неудачах, о злом роке, который непрерывно играет с нами в игры, в которых заведомо нельзя выиграть. Что-то в этом духе. И если бы я сидел в кинозале, возможно даже задумался об этих словах. Захотел бы что-нибудь поменять, ловить каждый момент. Сразу после конца фильма сломя голову помчался бы к своему компьютеру писать книгу. Но как обычно это бывает, включается свет, и ты забываешь, о чем думал, выходишь из зала и просто продолжаешь жить так, как делал до этого. И в такие моменты кажется, не так уж все и плохо.

– Бад здесь? – кряхтя, сказал Хава, в последнее время курение вызывает у него беспокойный кашель.

– Нет, – бросил Дейв, усердно втаптывая окурочек в землю.

– А когда ты его в последний раз видел? – решил вмешаться уже я, стоило заканчивать, кино превращалось в глупую комедию.

– Вчера. Он ушел как обычно около семи. И сегодня у него смен нет. Ему дали выходные из-за сверхурочных. Три дня. С чего бы ему приходиться сюда в своей выходной?

Окуроч, громко цокнув, развернулся и зашагал прочь, Хава немедля последовал за ним. И мне не оставалась ничего другого как пойти за этими двумя. Я попрощался с Дейвом, поблагодарил за какую никакую информацию и побежал за ними.

Немного пройдясь, мы завернули в небольшой парк и уселись на скамейку, не на одну конечно, Окуроч сел на другую в нескольких шагах от нас. Я огляделся. Раньше, кажется, я здесь не бывал, хотя частенько ходил по этой дороге. Парк был довольно маленький и уютный. Ноги ныли, также как и голова и что-то отдаленно напоминающее душу. И именно сейчас, этот парк казался спасительным островом в бушующем море. У ног сновали туда-сюда голуби. Листья уже начали опадать с деревьев, и ветер гонял желтые и красные листочки по тротуару, разыгрывая перед нами спектакль. Завороженно я следил за процессом, не в силах оторвать глаз. Осень была в самом разгаре, но холодами еще не пахло и мы наслаждались уходящими солнечными днями. Это значило, что скоро у меня день рождения. Мне исполняется тридцать. Странно, что я вспомнил об этом только сейчас. Обычно я начинал скорбеть за несколько месяцев до этого, но в этом году пучина серых дней захватила меня с головой и я, кажется, не заметил, как пролетел еще один год.

– Итак, что мы имеем? Он закончил в семь, дома не ночевал, да еще ему дали три дня выходных. Это действительно очень плохо, – уставший голос Окуроча бесцеремонно прервал мои ежегодные размышления. Интересно как они выбирают место и время своего появления в голове. Именно сейчас, когда и так все идет кругом.

Сил идти не было. И не у меня одного. И хотя прошли мы совсем мало, усталость эта была иного рода. Просто знать бы, что он жив и неважно где и с кем, пусть он просто будет живой.

Спустя какое-то время, вежливо досмотрев спектакль до конца, мы побрели домой. Как было приятно вернуться в свой район. Знакомые лица, которые добро улыбались, увидев тебя, грели похлеще жаркого солнца. По дороге мы встретили пару человек, спросили о Баде, но никто его конечно не видел. Пара местных пьяниц предложила помочь, и мы любезно согласились, хоть пользы от них никакой, но и вреда не будет. Однако я ошибался. Словно тараканы, они неожиданно разбежались, да так резво, что казалось в их желудке нет ни капли алкоголя, это было невозможно. И также неожиданно они вернулись к нам, притаивив, по меньшей мере, по пять человек с каждого. Хава объяснил ситуацию. Все присутствующие хорошо знали Бада, за исключением его нездоровых наклонностей. И так с пары пьяниц началась целая розыскная операция.

Мы в ней почти не участвовали, лишь отвечали на задаваемые вопросы, которые казалось бы совершенно не относятся к данной ситуации. В первую очередь были обзвонены все возможные больницы и полицейские участки. А также знакомые и знакомые знакомых всевозможных людей, некоторые из которых даже не были знакомы с ним лично. И пока все это продолжалось, желающих помочь в два раза прибавилось. Мы оккупировали детскую площадку, скамейки и качели, кто-то сидел на голой земле, но все неустанно что-то делали. Я смотрел на них и думал, а что если бы мне понадобилась помощь, будучи в том мире. Помог ли бы хоть кто-нибудь из тех черно-белых людей в пластиковых одеждах? Хоть один остановился бы? Все-таки на руках их дорогие часы и время расписано по минутам, и там нет места стриптизеру с суицидальными наклонностями. Но для чего же вообще в их двадцати четырех часах есть место? Мои люди здесь, они страдают, любят и волнуются, и я точно знаю, что под старыми одеждами бьются живые трепещущие сердца. И я не хочу знать иного мира. И часы мне, пожалуй, не нужны.

Через часа два, одна очень милая женщина, жена одного из пьяниц, Грэга, принесла всем воды и на скорую руку приготовленной еды – вареные яйца, бутерброды и небольшую кастрюльку еще горячих макарон. А еще через несколько часов, люди начали уходить. Вечер

подступил вплотную и уже неприветливый ветер разгонял всех по домам. Так ничего и не произошло. Мы так ничего и не смогли узнать. Но сейчас это было не так уж и важно. Мы нашли куда большее, чем искали.

Мы отблагодарили каждого, кто пришел нам на помощь. Когда ушел последний человек, и на детской площадке стало невыносимо пусто, словно разом вырубил густой девственный лес, мы сели на эти скрипучие качели. Я заметил, что в тех самых глазах, которые хранят так и не разгаданную тайну, стоят слезы. Они текли одна за другой, прокладывая путь для своих последователей. Мы не трогали друг друга. Нам этого было не нужно. Вот так сейчас, сидя на качелях, а Окурочек, помещаясь лишь на половину, мы были ближе друг к другу, чем когда-либо.

Вечер, махнув на троих незнакомцев рукой, покинул этот город. И ночь в ослепительном звездном наряде по-королевски взошла на трон, сверкая полумесяцем на своей голове. Усталость текла по венам, смешиваясь с кровью, и сил не было даже на лишний глубокий вздох. Кое-как поднявшись, мы побрели к нашему подъезду. Сто метров казались олимпийским биатлоном. Аккуратно вышагивая по неосвещенному асфальту, мы словно проваливались в темноту. Вот так все вместе. Как пришли сюда, так и уйдем.

Ключ не хотел открывать эту чертову дверь. Входил, но не с первого раза поворачивался. Почему-то я подумал об этой парочке как о супругах-пенсионерах, которые слишком стары для подобного рода вещей. Поддавшись с третьей попытки дверной замок пустил нас внутрь.

Невероятный запах жареной курицы ударил в нос. Я остолбенел. И по мере того как запах распространялся, эта же участь настигла и моих товарищей. Сначала я подумал, что возможно ошибся дверью. Я слышал, что с кем-то такое бывает. Но посмотрев на номер квартиры и для пущей убедительности на содранную краску в форме мужского полового органа в правом нижнем углу, я понял, что адресом не ошибся.

Словно воры, мы крадучись зашли внутрь, следуя за запахом, которого не слышали уже пару месяцев. Завернув на кухню, перед нами открылась лучшая картина, которая только могла быть нарисована. Она обязательно должна быть нарисована кем-то, пожалуй, я попрошу об этом Окурочек. За столом, опрокинув голову на сложенные перед собой руки, спал Бад, а перед ним стояла тарелка с огромной жареной курицей.

3

Окурок с легкостью поднял его на руки и понес на кровать. Кажется, он очень устал, даже не шелохнувшись, младенцем он продолжал спать на руках товарища. Окурок аккуратно положил его на правую сторону кровати, его сторону, уложив голову на подушку блинчик. Я осмотрел его с головы до ног, каждый сантиметр его тела и не обнаружил новых следов самоистязаний. Он был цел. Он был жив. Хава укрыл его своим одеялом, единственным хорошим одеялом в этой квартире. Он так и не шелохнулся, бледный и такой бездвижный он был похож на труп больше, чем на это способен труп. На секунду я представил, что так оно и есть и кровать это не что иное, как гроб. Неожиданно я почувствовал, как слезы застилают глаза, окутывая его спящий образ.

Выключив свет, мы тихо вышли на кухню. Вкусный запах жареного мяса и специй стал намного слабее, или просто мы к нему уже привыкли. Курица, кажется, уже давно остыла. Сколько он прождал нас вот так, сидя в компании жареного мертвого тела?

Мы устало, почти синхронно, плюхнулись на стулья, и только сейчас удалось глубоко вздохнуть. Громкие вздохи, слившись воедино, на секунду заполнил маленькую комнату, и звук этот был похож на некую симфонию. Мы смотрели на эту курицу и в любой другой ситуации, забыв обо всем на свете, накинулись бы на нее, при этом борясь за определенную часть тушки. Но сейчас мы были сыты прекрасным чувством облегчения и, мне даже на секунду показалось, усталого счастья.

– Чувак, ты должен нарисовать эту картину. Я хочу повесить ее прямо здесь, – обращаясь к Окурку, я устало показал ему на обшарпанную с содранными обоями стену.

– Чувак, ты не поверишь! Я и сам хотел это сделать. Обязательно нарисую, – воодушевленно сказал Окурок, – Вот только не знаю, когда у меня появится на это время. Не помню, когда в последний раз рисовал что-то не по работе.

– Ты же рисуешь то, что любишь, разве нет? – устало сказал Хава, но видно было, что эта тема ему интересна.

– Ну знаешь, когда появляются дедлайны и рамки, а тем более зарплата, даже любимое дело становится невыносимой работой.

Окурок долгое время был безработным. Основным источником его дохода были карикатуры и быстрые портреты прохожих. Все-таки то, как он рисовал было завораживающе и к нему начали ходить не только для того чтобы получить за гроши лист бумаги с каракулями в виде себя, но и для того, чтобы просто посмотреть за процессом. Я в этом совершенно не разбираюсь, однако даже такой невежа как я, видел в его рисовании что-то особенное. Сейчас он занимается делом более серьезным. Рисует комиксы для одного издательства.

Когда все разошлись, и ночь пробралась через окно, разливаясь густыми чернилами по комнате, я лег в постель. Сакура все также неподвижно лежала, я никогда не мог сказать точно – спит она или нет. За стенкой слышался храп Бада, мелодия для моих ушей после такого долгого дня. Он действительно затянулся. Перед тем как лечь, я открыл окно. Свежий ветерок колыхал злополучные шторы. Я лежал и думал обо всем, что сегодня произошло и эти мысли и образы не давали мне уснуть, я не хотел забыть даже одну, даже самую маленькую деталь. Спектакль листьев в парке, грация ветра-дирижера, морщины на лбу жены Грега, глаза Хава мокрые от слез. Я так хотел спать, но я знал, что если усну, что-то забуду и даже этого чего-то я не могу допустить.

Неожиданно я встал, словно электрический разряд прошел по всему телу. Неведомая сила потянула меня к подоконнику, и я понял куда направляюсь. Помимо неизвестного мне происхождения вещей, чеков, пакетов и пустых коробок из-под лекарств, которые лежали

на этом подоконнике, непонятно как помещаясь в углу, очень скромно примостился мой старый ноутбук. Он-то мне и нужен.

На цыпочках я вернулся на кухню и уселся за обеденный стол. Сердце мое отчего-то бешено колотилось, и я пытался его успокоить. Все сидел и сидел, а ноутбук презрительно поглядывал на меня.

Я помню как впервые сел за написание текста. Мне было одиннадцать. В моей маленькой голове роилось столько мыслей, от которых я пытался отмахнуться, но сделать этого не получалось. Я начал рано страдать бессонницей, писательские приступы настигали меня обычно в кровати. Тогда я не знал, что мне с ними делать и как от них избавиться, они сводили меня с ума. Целые предложения и абзацы текста вспыхивали перед глазами каждый раз, когда я их закрывал. И вот однажды в порыве гнева из-за проведенной в полусне ночи, наутро я встал и сразу сел за стол. Он был маленький и старый, достался мне от старшего брата, который в то время съехал от нас, уехал в колледж. Мама говорила, что это счастливый стол. Мой брат занимался за ним целыми днями, за ним заполнял анкеты для поступления в университет, на нем открывал письма, в каждом из которых было написано что его, чуть ли не гения, с удовольствием ждут, и стол этот пропитан трудом и знаниями. Я разложил перед собой чистые листы, достал карандаши и принялся писать. Грифель скользил по бумаге, словно профессиональный фигурист вырисовывал на льду причудливые узоры. В тот день я писал с утра до вечера, не отрываясь, по-моему, я даже не ел. К концу этого наваждения на столе красовалась стопка полностью исписанных листов. На следующее утро картина повторилась. Я писал таким образом около недели. Когда моя история была закончена, я показал ее маме, она похвалила меня, погладила по голове и сказала идти делать уроки. Эти листочки грели мне душу как ничто до этого, даже любимая фигурка динозавра, которая была со мной с самого детства, не могла сравниться с ними.

Сейчас я даже примерно, не вспомню о чем была та история. Мой текст был вскоре утерян при переезде. Хотя думаю, что мама его просто выкинула за ненадобностью вместе с горой остального мусора.

Во второй раз я сел за рукопись уже в двадцать один. Что я делал в этом десятилетнем промежутке, хоть убейте, не вспомню. Раньше мне было ничуть не тяжело находить слова. Я просто использовал те, которые слышал, иногда даже не зная значения. И меня это ничуть не волновало. Особенно мне нравилось писать о пустыни, хотя я ни разу не видел ее в живую ни тогда, ни сейчас, о зыбучих песках, сухом ветре и путниках в поисках воды, было в этом что-то волнующее. Но с каждым годом идей, ровно как и слов, становилось меньше. Как будто с возрастом они тоже стареют, отмирают, а новое поколение растет не так уж и быстро. Мы растем и от простейших слов, переходим к сложным, эволюция, чтоб ее. И теперь чтобы объяснить что-то, мы не описываем его, не машем руками и не хватаемся за голову, когда не знаем, как яснее и точнее объяснить, не используем контекст. Одно сухое десятибуквенное слово и все становится понятно. Черно-белые часто используют такие слова. Бывало, узнаешь какое-нибудь новое длинное взрослое слово и бежишь в школу поведать о своем открытии всем. А сейчас уже мало кого и чем удивишь. Хотя мыслей и становилось меньше, они все равно меня мучали. Я просто не мог оправиться после потери своей лучшей на тот момент работы. Я был зол на всех и на себя в том числе, и не мог заставить себя написать хотя бы строчку. Шли дни, а букв на белом листе на экране моего ноутбука, того самого ноутбука, который со мной до сих пор, не становилось больше. Но все-таки мне пришлось писать. Передо мной встал выбор дальнейшего жизненного пути, и ступать по тропе брата я не мог. Он выучился и с отличием окончил университет по специальности экономиста, а потом стал преподавателем экономики в своей альма-матер. После того как я с трудом закончил школу, меня всеми силами пытались заманить в этот же университет, при этом у меня были все шансы попасть туда и далеко не из-за блестящих математических способностей, которыми я конечно не обла-

дал. Брат закрутил роман с деканшей и у меня так сказать были связи. Но перспектива из одной каменной коробки перебираться другую мне не особо улыбалась. И деканша мне совершенно не нравилась, хотя брат вскоре на ней женился.

Вот таким образом, после окончания школы, шатаюсь в компании таких же неудавшихся писак или просто алкоголиков, не имея за душой ни гроша, ни таланта, я потратил впустую три года своей жизни и в преддверии своего очередного дня рождения я твердо решил, что стану писателем.

Родители же моего благородного порыва не оценили. Однако путем долгих и бессмысленных убеждений они все-таки приняли мое решение. И энтузиазм их на мой счет невероятно пугал. Меня таки посадили в каменную коробку еще раз. Я ходил на курсы писателей, которые порекомендовал моим родителям один знакомый. Я учился писать так, чтобы понравиться читателю, заучивал шаблоны и чуть ли не списывал у великих классиков. И именно в тот момент, когда мою работу похвалили в первый раз, я понял, что никогда не стану писателем. Мой мир рухнул. Похвала общества и бестселлеры в библиографии, если мне нужно было это, то становится писателем я не хотел. Нет, я, конечно, мог, но если я не могу стать писателем достойным, писателем который по-настоящему затрагивает души людей, будь то даже просто один человек, то лучше я буду никем. Ведь за последние несколько лет моих никчемных попыток родить что-то стоящее, что-то, чем я мог бы гордиться, я не стал писателем даже в своем мире с населением в один человек, это о чем-то да говорит. Если даже собственная вселенная внутри моей черепушки отторгает этого человека во мне.

Если сказать проще, я просто сдался. Я бросил эту затею. Я решил идти вперед. Быть несостоявшимся писателем без единой законченной книги, но с сотнями идей и персонажей, которые кажется, уже живут не только в моей голове, а ходят по улицам, куда-то спешат, мы знакомы уже много лет и при случайной встрече обязательно обнимемся и, забыв о своих делах, начнем говорить о жизни – очень болезненно. И в какой-то степени невыносимо. Бедные мои вымышленные люди. Как же им не повезло родиться в моей голове. Им там тесно, словно все вместе они сидят в одиночной камере, провинившись за что-то.

Я бросил курсы и впал в депрессию. Эта старая подруга и раньше заходила ко мне в гости, но тогда она осталась жить у меня надолго. Спала рядом со мной, отбивала аппетит за обеденным столом, лежала рядом с очередной девушкой во время занятий любовью. Она была повсюду. Но никому и ничему еще в жизни я не был благодарен как ей.

Однажды она усадила меня за стол и насильно положила в руку ручку. Я написал начало, как я думал, моей будущей книги, оно было таковым: «Прямо сейчас я хочу сесть и написать, так сказать, бунтарский роман. Однако зная быстроту своего печатания и уж тем более писания от руки, а также лени и склонности к беспричинной апатии меня хватит на рассказ. И то, скорее всего не хватит и он так и останется начатым и оставленным лишенных моих творческих потуг, но не забытым. И так и будет меня преследовать, как и около десяти моих прошлых работ, призраком, и днем и, конечно же, ночью. Будет приходить ко мне во снах. И дабы избавиться от него, я должен бежать. Прямо сейчас...»

Я разговаривал сам с собой с белизны бумажного листа, как не делал очень давно, и призывал к действиям. Оставшись стоять на месте, меня бы догнали прошлые свои неудачи, толпой забили бы все, что от меня осталось. И мне не оставалась ничего другого, кроме как бежать. Быстро и незамедлительно.

В ту ночь я собрал свои немногочисленные пожитки: ноутбук, любимую перьевую ручку, доставшуюся мне от деда, которую я потерял в дороге, некоторые сбережения, которые, как будто знал, понемногу откладывал, сумма скопилась приличная, и побежал, попутно прихватив папину коричневую кожаную куртку с меховым воротником, которую он не носил, но любил. Мне было двадцать три.

Не помню как купил билет на автобус, и что мною двигало, когда я выбирал пункт своего следующего назначения, но привел он меня именно сюда. Я брел словно в тумане. Одновременно мне хотелось вернуться и хотелось бежать оттуда еще быстрее. И в итоге я просто сел в этот автобус и уже он взял на себя мое время.

Когда я заселился в эту квартиру, подумать только почти семь лет назад, я думал, что останусь здесь максимум на полгода. Я считал, что этого времени хватит на то, чтобы написать стоящую книгу, найти агента, обжиться народной славой, похвалой критиков, родительской гордостью и обеспеченной старостью, да еще и найти жену из интеллектуальных кругов. В голове молодого наивного романтика было именно так. Сказал бы ему кто тогда, что свое тридцатилетие он будет отмечать все в этой же затхлой квартирке.

И вот сидит он теперь перед ноутбуком и снова не может написать и строчки.

Единственное путное, что когда-либо говорил мой преподаватель по писательству, были эти слова: *«Книга начинается с веры в то, что вы можете ее создать»*. Изречение на самом деле глупое, но почему-то именно оно постоянно приходило ко мне в голову, я даже помню голос и интонацию, с которой он ее произнес, хотя ни лица, ни его имени я уже никогда не смогу вспомнить. Вот она память-чертовка.

Однако моя вера уже давно пошатнулась. Хотя нет, не так. Она давно уже рухнула, и сколько бы раз я не пытался восстанавливать ее, сколько бы раз не перестраивал, она все равно рушилась прямо у меня на глазах, а я стоял и смотрел, даже не пытаюсь этому как-то помешать. На ее месте всегда оставались руины. Видимо фундамент был ненадежен или всему виной был дешевый некачественный материал. Но это было неизменно. И прямо сейчас я сижу перед ноутбуком как раз на руинах. Очень неудобно и больно. Но если после всего этого, я все еще здесь, может вера таки живет в каком-то из уголков этого города-призрака. Поэтому сдаваться я не собираюсь. Не сегодня. Пошло все к черту. Я потерял слишком много, чтобы сдаваться.

Мне нужно создать начало истории. Мне нужен герой. Мне нужна идея. Я снова чувствую землетрясение под ногами.

На самом деле все куда страннее и сложнее, чем просто создание истории. В моей голове историй, героев, разных событий хватит лет на десять. С этим у меня пока проблем нет. Проблема в том, что я не могу перенести их на бумагу. Я боюсь белого листа. Иногда я боюсь слов. А это нонсенс. Чтобы писатель боялся слов, единственных друзей на этом, не побоюсь сказать поле боя. Когда я начинаю писать, у меня не получается ровным счетом ничего. Слова какие-то не те, и герой становится противным, совсем не таким, каким я его представлял. И я боюсь. И бросаю писать.

Когда я начинаю что-то писать столько сомнений закрывается в голову, а если они есть там, то обязательно будут и на бумаге. Разве читатель поверит тому, кто сомневается в своих же словах. Я бы, наверное, не поверил и более того, больше бы никогда не стал доверять такому автору.

Я не могу. Тревога и страх, с которыми я боролся все это время, приняли обличие слез. Как я жалок. Сажу и реву перед ноутбуком.

Соберись. Я заставил подчиняться себе свои руки. И начал писать.

Спустя некоторое время передо мной уже красовался небольшой, но такой привлекательный для меня абзац. Начало. Вот оно. Первая преграда была преодолена. И это была моя маленькая победа, кто бы, что мне ни говорил.

Но потом всё. Белое пространство съедало мои мысли без остатка и словно истукан я пиялился на весь этот процесс. Вера снова пошатнулась, треснув в нескольких местах. И я задумался, сколько еще ей удастся простоять?

4

Я проснулся оттого что кто-то настойчиво теребил меня за плечо. Я хотел оказать хоть какое-то сопротивление, но не был способен даже на пару слов. С огромным усилием я открыл один глаз, потом получилось открыть и второй и я наконец-то смог увидеть своего обидчика.

Хава стоял передо мной и улыбался. Я же не мог понять, что его так веселило.

– Ты снова начал писать? – голос его прозвучал с непонятым восторгом, что заставило меня окончательно проснуться и отодрать, словно клеем приклеенную голову от стола.

Голова болела, шея болела, спина болела, кажется, даже душа ныла.

– Чувак, ты снова начал писать? – Хава повторил свой вопрос, но уже с меньшим энтузиазмом в голосе и, видимо отчаявшись получить ответ, заглянул в мой ноутбук. Однако особо похвастаться мне было нечем. Я сражался с белым листом всю ночь, но больше одного абзаца написать у меня так и не получилось.

Он похлопал меня по плечу.

– Знаешь что? Я в тебя верю. Но ты должен поверить в себя куда больше чем я. И если это случится, тогда это будет просто верх самоуверенности.

– Кто сегодня дежурит? Где Бад? – окончательно очнувшись от тумана, который окутал мой разум, я вспомнил вчерашний день.

– Он все еще спит. Мы с Окурком решили заново составить расписание. Я сделал и тебе копию. Сегодня моя очередь, твоя через два дня, – спокойно сказал Хава и, посмотрев на мое совершенно потерянное лицо добавил. – Иди-ка ты поспи, видок будто всю ночь вагоны разгружал.

Я подумал о том, что не так уж он и не прав, вагоны, наполненные тяжелыми коробками неуверенности, страха и жалости к самому себе. Сил произнести свою гениальную мысль у меня не было, и я просто поплелся в свою комнату. Бад все еще спал в том же самом положении, в котором мы вчера его уложили, палатка была симметрична, что означало, что Окурок уже ушел на работу и солнце светило будь здоров. Все на месте.

Войдя в комнату, я в первую очередь посмотрел на кровать Сакуры. Ее розовые волосы неизменно вырисовывали чудные узоры на подушке. Я обожал ее волосы. Они казались живыми в отличие от нее. Я присел на край ее кровати. Мы не разговаривали уже около трех дней, и я очень по ней скучал. Из-под одеяла торчала бледная рука, я нежно ее погладил. Мне стало так одиноко, словно за пределами квартиры ничего нет, есть только она, загаженная старая халупа, клоповник, куда сбегаются все несчастные и нет здесь никого, я один и все это лишь мое разыгравшееся воображение.

Я встретил ее около восьми месяцев назад. Она пришла совершенно бесшумно, просто легла на эту кровать и осталась. Никто не помнит, как она появилась в нашей квартире. Никто не знает ее настоящего имени. Никто не знает ее настоящий цвет волос, розовый так ей шел, казалось, что он у нее с рождения. Никто не знает чем она занималась до того как поселилась здесь. Никто не знает ее прошлом. Мы ничего о ней не знаем, меня даже не столько интересуют такие загадки человечества как НЛО, пирамиды и т. д, сколько интересуется она, самая большая загадка в моей жизни. Но что было понятно, ее посещала моя старая подруга Депрессия и подруга моей младшей сестры – Анорексия. Я, правда, совершенно не знаю подробностей этой болезни и что нужно делать и как нужно себя вести. В момент обострения я ушел из дома и бросил свою сестру. Помедлив тогда хотя бы чуть-чуть, возможно, мог бы чем-нибудь помочь Сакуре. Но я не мог, и мне было больно до слез. Она таяла у меня на глазах, прекрасная Снегурочка на весеннем солнце, еще чуть-чуть и от нее останется только мокрое пятно, которое высохнет также быстро.

Я отдернул одеяло, под ним покоилась лишь высохшая мумия. Она все так же лежала в позе эмбриона и, казалось, была готова отдать уже, наконец, свою душу, но дыхание ее сегодня было даже сильнее чем обычно. Я прилег рядом с ней, аккуратно, чтобы не потревожить драгоценный экспонат. Вплотную подошел к ней, обнял за тонкую талию. Ее розовые волосы щекотали мне лицо, я зарылся в них и провалился в глубокий сон.

Не знаю сколько проспал, но когда проснулся, рядом со мной уже никого не было. Отряхнув остатки сна, я присел на кровати. В комнате стояла кромешная тьма, единственным намеком на то, что я все еще на Земле, а не где-то за пределами разума, мертв, и не похищен инопланетными существами, выдавала тонкая линия просвета в щелке двери.

Вот он я. Лицо, руки, ноги. Все кажется таким далеким и ненастоящим. Я устал. Я не хочу ни есть, ни спать, ни дышать, ни существовать. Я просто слишком устал. И понял я это только сейчас. Мне хотелось плакать, но слезы как бы я ни пытался их выдавить из себя не шли. Застражи где-то на полпути и видимо повернули назад. Дикая грусть, такая, которая раздрает все внутри и просится наружу, словно инопланетная форма жизни, попавшая в организм, прямо как в тех фильмах про чужих, они всегда вызывали у меня при просмотре сильную тревогу. Мне хотелось умереть. Прямо сейчас, просто раствориться и сильнее этого желания я еще не испытывал. Но я не мог. Книга должна быть написана, а для этого мне нужно жить.

Мне удалось встать с первого раза. В горле неприятно першило, я порыскал по нагрудным карманам, в поисках пачки и конечно ничего не нашел, заведомо зная, что ничего не найду. Когда я кое-как открыл тяжелую деревянную дверь моей комнаты и зашел в гостиную, то передо мной открылась картина, которую я также хотел бы повесить на кухню, рядом с той воображаемой с Бадом и курицей. Мои самые дорогие люди сидели все вместе на полу, что я считал безрассудным, в середине круга горела свеча, и картина эта была похожа на некий оккультный ритуал, собрание шабаша. Они тихо перешептывались, даже стоя от них всего в пятидесяти метрах, я не мог разобрать слов. Но лица их, освещенные тусклым сбивчивым пламенем свечи, говорили сами за себя. По неизвестной мне причине они светились от счастья.

Я хотел тихо прошмыгнуть мимо, не портить семейную идиллию, но не замеченным не остался. Хава окликнул меня и все разом повернулись. Я был похож на воришку-неудачника. Жестом, боясь нарушить такую магическую тишину, я показал, что мне нужно перекурить. И не дожидаясь ответа, просто вылетел из гостиной. В коридоре я обыскал все куртки и нашел еще неоткрытую пачку в кармане рабочего пиджака Окурка. У нас не совпадали вкусы на женщин и алкоголь, но в выборе сигарет мы с ним были единодушны.

Я вышел на крыльцо. Из-за сильного ветра, который взялся из ниоткуда я не смог зажечь сигарету с первого раза. И со второго тоже. Это ужасно раздражало. Но кажется, ветер сжалился надо мной и мне удалось таки это сделать. Терпкий дым заполнил мои легкие. И я наконец-то, как бы парадоксально это не звучало в данной ситуации, вздохнул с облегчением.

Только сейчас я понял, что на улице уже оказывается вечер и проспал я немного немало часов двенадцать. Ветер с каждым днем подгонял мой приближающийся день рождения к порогу дома. Осень ощущалась отчётливо.

Я осматривал дворик, исследовал глазами метр за метром, такой родной и ненавистный пейзаж. Лишь в нескольких окнах дома, который стоял напротив, горел свет, и изредка можно было разглядеть беспокойные фигуры полуночников. Уличные фонари, конечно же, не работали, надо сказать, по меньшей мере, уже семь лет, и улица казалась сценой из фильма ужасов. И мне было спокойно. Тревога понемногу отступала, и теперь мне жутко хотелось есть. Я вспомнил о вчерашней жареной курице, и у меня засосало под ложечкой с еще большей силой. Немного подышав, когда от сигареты остался лишь пепел и маленький кончик фильтра, я решил двинуться обратно, в тепло, которое источали мои сожители. Взявшись за ручку двери, я почувствовал на себе чей-то взгляд и не на шутку перепугался. Как обычно бывает, я не стал открывать дверь, бежать в дом, в безопасность, нет, я, конечно же, обернулся. Будь там граби-

тель, серийный убийца, свидетели Иеговы или коммивояжеры, я бы уже пропал. Но никого там не оказалось. Однако ощущение того что за мной кто-то следит меня не покидало. А потом совершенно неожиданно раздалось протяжное громкое мяуканье, которое в тишине принимало размеры львиного рыка. Не буду врать, я даже подпрыгнул от страха.

У моих ног сидело что-то черное и маленькое. Мне не сразу удалось разглядеть это существо, зрение меня обманывало. Пришлось присесть на корточки. Это была Тушенка. Жирное ободранное создание. Я не видел ее три дня и вот она объявилась. Хотел бы я также однажды появиться на пороге отчего дома, как ни в чем не бывало.

Я взял ее на руки, а она не сопротивлялась, что было даже немного странно. Опять вся извалялась в грязи, неизвестно откуда она ее берет, ведь на улице еще сухо и нет ни единой лужи. Она спокойно уселась у меня на руках, словно принцесса восседала на паланкине. И я на самом деле был не против быть ее слугой. Хотя я боялся кошек, эту любил, иногда обожал и почти всегда хотел быть ею.

Она, как и Сакура взялась из ниоткуда, мне каким-то образом везет на таких загадочных особ. Тогда у меня случился скандал с местной мадамой, которая каким-то образом решила, что мы помолвлены. Долгая запутанная история. В конце концов, мне пришлось разрывать с ней не существующую помолвку и убеждать ее мужа, что между нами ничего и никогда не было, а после такого никогда и не будет. Отделался я лишь парочкой синяков. Потом они переехали, синяки рассосались и все забыли об этом. Кроме меня, конечно, я частенько вспоминаю эту историю перед сном и подумываю, о том, чтобы использовать ее в своей книге. Тогда эта злополучная квартира еще принадлежала Русскому, и он был моим единственным соседом.

После дня полного драм, я пришел домой, а он держит на руках это чучело. Я, правда, подумал сначала, что достал он с очередной барахолки ненужную безделушку – чучело. Опыт был, на подоконнике в гостиной в то время стояло чучело лисы, которое он купил втридорога у местного барахольщика. Я подошел, небрежно взял ее в руки, начал вертеть, а это создание подпрыгнуло, вцепилось мне в волосы, и я не на шутку испугался. Я не мог стащить ее, прилипла ко мне жвачкой. И лишь спустя некоторое время, после всевозможных уговоров, она успокоилась и сама кинулась в мои руки. Желтые глаза косили, и непонятно было куда она смотрит, на спине в некоторых местах не хватало клочков шерсти и вид у нее был помятый. Поэтому и не отличил я ее от чучела.

Я вопросительно посмотрел на него, ничего другого мне не оставалось. Он лишь ответил: «Помирать, наверное, пришла». Так она и стала с нами жить. Или мы стали с ней. Это уже непонятно.

Возможно, он был прав. Однако Русский ее опередил, а она вот уже лет шесть не может покинуть эту квартиру. Видимо прочувствовала суть этой халупы. Черная дыра. И если она хотела где-то остаться, то это было, то самое место.

Мы вошли в квартиру, и яркий свет ударил по глазам. Тушенка тоже зажмурилась, что на секунду сделало ее вполне привлекательной кошкой. Я спустил существо на пол, и она уверенно зашагала по своим апартаментам, гордо виляя обрубок-хвостом. Сняв обувь, я медленно поплелся за ней в гостиную. Мои товарищи все еще сидели на полу, но свечка уже потухла. Они по-прежнему о чем-то тихо, почти шепотом разговаривали, словно боялись спугнуть что-то такое важное и дорогое, но пыл их поутих. Они не заметили как я, и Тушенка стоим, и в недоумении смотрим на происходящее. Окурочек должен нарисовать и эту картину. Только как он это сделает, если не видит этой сцен со стороны.

– Окурочек, поднимайся, – мой голос вдребезги разбил стеклянный купол тишины, мне даже самому стало неприятно оттого, как громко и агрессивно он прозвучал.

Молодые люди синхронно обернулись, явно не ожидая подобного, а Сакура даже немного вздрогнула, отчего мне стало немного совестно.

– Что на тебя нашло? Зачем мне вставать?

– Это необходимо сделать. Ты мне потом еще спасибо скажешь, точно говорю. Вставай на мое место.

Он встал точно туда, где стоял я, а я сел точно туда, где сидел он, только конечно места я занимал в два раза меньше. Все смотрели на меня как на сумасшедшего, Хава казалось, хотел что-то сказать, но тут Окуроч глубоко вздохнул и широченно улыбнулся, так искренне он улыбался лишь в моменты озарения.

– Чувак, я тебя понял, – сказал он мне, в то время как остальные продолжали недоумевать. – Все будет сделано.

Теперь нам не хватало места в круге и пришлось немного отодвинуться, чтобы вместились все. Я даже оставил немного места для Тушенки, в этой квартире равны все, мыши, конечно, не считаются, у нас с ними давняя война, которая кажется, никогда не закончится.

– Ну что? Может мне кто-нибудь расскажет, что у нас на повестке дня?

Все посмотрели на Бада. Я на самом деле уже и забыл вчерашнюю историю, и мне теперь не терпелось узнать, что же это такое было. Он молчал и загадочно улыбался, смотря прямо на меня. Если бы его чары на меня работали, я бы уже давно покраснел и выбежал из комнаты. Меня удивляло как Сакура еще не пала под натиском его красоты.

– Чувак, я получил работу в театре современного искусства. Опережая все твои вопросы, расскажу сразу. А для начала: Извини меня, – он впервые при разговоре со мной отвел глаза, длинные ресницы опустили к полу, он говорил это искренне, как и все делает в своей жизни. – Я вас напугал вчера. Но я, правда, не хотел. Все вышло так неожиданно. Я отработал смену, устал как черт. У ворот стояла какая-то дамочка, которую я до этого видел в зале и ждала меня. Мы разговорились. Оказалось, что она работает в театре. Она сбивчиво что-то тараторила, я расслышал только то, что была во мне какая-то изюминка, что-то такое, что ее зацепило. Странно, да? Моей единственной ролью было вертеться у шеста в костюме пожарного. Однако по ее словам, была в этом некая грусть и страсть и боль и им как раз не хватает актера. Я провел в театре всю ночь, танцуя, разучивая тексты. Это как бы было прослушиванием, хотя куда я не знал и до сих пор не до конца понимаю. Потом я попросился переночевать там. Нет, ты не подумай, у меня с ней ничего не было. Мне просто не хотелось уходить оттуда, хотелось умереть прямо там и остаться навечно. Понимаешь?

– Ты давай не зарекайся. Мы и так тебя вчера на тот свет отправили, – смеясь, сказал Хава.

– Это уж точно! Чего только не передумали. И все-таки если бы ты видел, как люди тебя искали. Не хуже знаменитости, между прочим. Всем скопом, – сказал Окуроч, сопровождая все активной жестикуляцией, показал и толпу и даже некоторых отдельных личностей и даже ту самую женщину, которая накормила нас в тот день, хотя о ней он не сказал и слова.

– Точно! Мы же еще никому не сказали, что блудный сын вернулся. Завтра пойдешь и поблагодаришь каждого. Понял? – сказал я, хотя, казалось бы, прозвучало это все в шутку, я был серьезен и Бад это точно понял. Была у него такая особенность понимать все, Хава говорил, что он слушает не ушами, а сердцем, вот у него и получается.

Сакура сидела очень тихо, еле дыша, но никогда такой живой я ее еще не видел. Она улыбалась, иногда издавала подобие смешка, похожее больше на кашель, но тело ее, кажется, сейчас согнется пополам, тонкое слабое деревце во время урагана. Она казалась такой маленькой и беззащитной в своей длиннющей ночнушке синего цвета, которая покрывала всю длину ног. Я чувствовал, что ей не очень хорошо, но если бы я спросил, окликнул ее, то мог бы нарушить то незабываемое единение нашей семьи, чего она бы мне, скорее всего не простила. Потому я тихонько подошел к ней, пока парни болтали о новом проекте Окуроча, сел рядом и обнял за плечи, так, что она смогла положить свою голову мне на плечо. Она размякла в моих руках, буквально рухнула, держась все это время из последних сил. Она взяла меня за руку и начала вырисовывать какие-то буквы, возможно, составляла слова, которые я

не мог разобрать, у загадки должен быть свой собственный шифр, свой язык, которым она обладала в совершенстве. Я не заметил, как пришла Тушенка. Она тихонько примостилась у меня на коленях, вытянув лапы к Сакуре. Я снова был готов разрыдаться. Но на этот раз от счастья. Полного и абсолютного, несомненного счастья. Я встретил его здесь, в маленькой грязной квартирке на окраине города. Здесь и нигде больше во всей вселенной.

5

Этот месяц прошел слишком быстро, пролетел над моей головой словно пуля, стремительно и мимо. Я отметил свой день рождения и теперь мне официально тридцать. Я не разговаривал около недели, слова просто не хотели выходить из потрескавшихся губ, устроив бойкот. Этот день рождения я перенес куда болезненнее, чем предыдущие двадцать девять, даже в десять лет я не испытывал такого, хотя именно тогда я впервые столкнулся с кризисом. Месяц прошел как в тумане, белая пелена затянула мои мысли и память. Отдаленные осколки воспоминаний всплывают в голове, но кажется, это было не со мной, пазл не собирался, было утеряно слишком много элементов.

В свой день рождения я проспал весь день, ежегодное событие. А когда проснулся, у моей кровати сидели друзья с тортом и высившейся из его основания свечой, которая уже выгорела, и воск узором растекся по белому крему. Я съел его, не почувствовав ни вкуса, ни удовольствия, улыбаться было тяжело, невыносимо, но это единственное, что я мог сделать для них, я правда пытался.

Прошло около месяца с того момента как я ворвался на страницы будущей книги, потоптавшись на месте, оставил жалкий абзац, на котором далеко не уедешь. Я задумался, а сколько на самом деле у меня в планах книг, которые так же ждут своего часа? Более пяти больших романов, сборник рассказов и цикл фэнтези и им далеко уже не месяц. Несколько лет. И даже этих нескольких лет мне не хватило на то, чтобы закончить хотя бы одну главу. А месяц по сравнению с ними совсем ничего не значит. Но что еще произошло за этот месяц так это то, что в голове моей уже успела родиться новая история. Еще один мучитель. Где-то в черепушке, в темном пыльном закоулке живет неугомная семья мыслей-кроликов, которые плодятся со скоростью света. И эта история, такая на самом деле ненужная ни миру, даже воображаемому, ни мне, все просится наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.